

АЛЕКСАНДР ШУШЕНЬКОВ

Щирик

Александр Шушеньков

Чирик

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Шушеньков А. Б.

Чирик / А. Б. Шушеньков — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

1985-1991 годы оказались временем величайших исторических событий современности – подошла к концу история некогда могущественно и нерушимого Советского Союза. За эти несколько лет на огромной территории случились самые разнообразные и необычные события – как с обществом в целом, так и с отдельными людьми, а также – с главным героем повествования – 10-рублевой купюрой Чириком. Переходя из рук в руки, он стал невольным свидетелем и участником конца последней империи на Земле. Родившись в марте 85 года, он из молодого невинного хрустящего юноши превратился в одряхлевшего и разочаровавшегося в жизни денежного знака-старика. В финале повествования он покидает планету на корабле Пришельцев и отправляется в загадочный Космос навстречу Неизвестности.

© Шушеньков А. Б.

© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

ПРОЛОГ,	6
ЧАСТЬ 1. ПЕРЕСТРОЙКА	8
Глава 1,	8
Глава 2,	14
Глава 3,	18
Глава 4,	23
Глава 5,	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Александр Шушеньков
ЧИРИК
**(сатирический роман-сказка о временах
перестройки, ускорения и гласности)**

«Прощальным костром догорает эпоха...»

Юрий Шевчук

ПРОЛОГ, в котором происходит рождение главного героя

Это было давно. Очень давно. Да и было ли?...

Стояли первые весенние дни. Похмелившись с утра пораньше за Беринговым проливом, древнее рыжее Солнце вперевалку карабкалось на небосклон, чтобы выполнить обычную свою работу по освещению прикрепленного участка Пространства. За миллионы лет этот труд порядком надоел Светилу, и оно давно бы послало все к черту, если бы... Если бы не возможность созерцать причудливые события, творящиеся внизу.

Громадная империя лежала у него под ногами, и столько дел происходило там, что не хватало глаз-лучей, чтобы проследить за всеми. Солнечный свет золотил величественные горные пики и ржавые люки баллистических ракет, собольи пирожки министров и драные ушанки зеков, черные щеки студентов из братских социалистических княжеств и красные носы героических строителей железнодорожной магистрали, чугунные скульптуры самого живого из всех живых и кирпичные трехбуквенные надписи на заборах, должностные глаза гаишников и вылинявшие стяги знамен, не снятых с прошедшего ноября. Солнечные лучи лезли под шинели толстощеких генералов и в проеденный молью плющ богобоязненных старух, в конуры отощавших за зиму собак и распутные студенческие общежития, в гигантские корпуса заводов по выпуску самых больших в мире микросхем и в пыльные амбары колхозов-миллионеров, в сверхсекретные архивы первых отделов и в головы важных должностных лиц.

Дрались во влажном теплом воздухе подгулявшие вороны, долбила по головам газетных редакторов капель, напоминая о важности освещения подготовки к посевной, готовился и млад и стар отметить день международной женской солидарности...

В отделах сувениров, а еще больше – в винных, толкались хлопотливые товарищи с горстями банковских билетов, обеспеченных, как указывалось на них, золотым запасом. С южных территорий тянулись механические камазовские потоки рефрижераторов, набитые тюльпанами и прочими тычиночно-пестиковыми. Носатые щетинистые водители напряженно подсчитывали в уме четырех-, пятизначные цифры, и немало кур, равно как и уток, а также кошек и собак, оставили свои жизни под колесами в эти дни всеобщего ликования.

Империя просыпалась. В весенних лучах отражались лица, на которых было написано ожидание. Кто-то надеялся получить долгожданную квартиру. Кто-то, ощутив токи крови, готовился совершить сексуальные действия, мощью своею затмевающие достижения Казановы. Кто-то лелеял мечту о поступлении в институт международных отношений. Кто-то намеревался похоронить горячо любимую тещу. Кто-то планировал стать Генеральным секретарем... Древнее Светило с любопытством наблюдало за всей этой кутерьмой.

С большим успехом прошла кампания по выбору народных депутатов, собравшая 99,97 процентов голосов за кандидатов нерушимого блока коммунистов и беспартийных. Куйбышевский избирательный округ отпраздновал победу выдающегося руководителя ленинского типа Константина Устиновича Черненко. Сам выдающийся явил себя подданным, обратившись с телеэкрана с краткой, но, как всегда, исключительно глубокой речью. Хорошо, сказал он возле урны для голосования, и, поддерживаемый соратниками, помахал народу рукой. Действительно, все было хорошо. Просто отлично! Были подведены итоги Всесоюзного социалистического соревнования за 1984 год, отразившие новые успехи в деле строительства коммунизма. Страна по призыву тружеников депо Москва-сортировочная разворачивала подготовку к дню рождения великого и гениального. Вручались призы женщинам-механизаторам за экономию дизельного топлива. Набирало обороты Всеармейское соцсоревнование под девизом «40-летию Великой победы, 27 съезду КПСС – наш самоотверженный ратный труд».

Жизнь была тугой гидрантной струей, и казалось, никакая сила не свернет общество с пути в светлое будущее; пути, вдоль которого, подобно придорожным столбам, нескончаемой вереницей стояли памятники предпоследнему руководителю – пол-литровые бутылки по пять-пятьдесят.

В эти дни случилось в великой стране одно событие, ни для кого, кроме Солнца незаметное, а потому и не зафиксированное в светских хрониках и исторических документах, но которое, однако, послужило поводом к данному повествованию. Итак, в первых числах марта 1985 года на типографии Гознака родилась десятирублевая купюра «Бз 1289351». Червонец, или, как его потом чаще всего называли – Чирик. Кто принимал роды, какими были первые часы младенца в кампании таких же красненьких, красивеньких, хрустященьких детишек – неизвестно. Сам Чирик, когда подрос, как ни пытался восстановить в памяти начало жизни – не мог. Известно лишь, что он в тесной пачке братьев-близнецов прибыл на самолете в сибирский город Краснохренск, откуда был на инкассаторской машине доставлен к населенному пункту Кепкино, в штаб Управления начальника работ подполковника Концевича. И с этого момента началась его осмысленная трудовая жизнь.

ЧАСТЬ 1. ПЕРЕСТРОЙКА

Глава 1, в которой Чирик попадает к майору Питиримову и получает первые жизненные впечатления

Табачно-желтый указательный палец служащей советской армии кассирши Жук, известной в широких солдатских кругах под кличкой «Жучка», надорвал упаковку тысячерублевой пачки, и новенькие червонцы зашелестели, укладываясь в месячное жалованье майора Питиримова. Отсчитав тридцать пять бумажек, Жучка перешла на более мелкие купюры и закончила ответственную операцию звоном двадцати- и пятикопеечных монет:

– Распишитесь вот тут.

Синескулый Питиримов вздохнул тяжелым вздохом уставшего от жизни праведника, царапнул неразборчивую загогулину, сунул в карман ароматные ассигнации и вышел в мартовскую морозную тайгу. Вместе с другими собратьями Чирик погрузился в вонючую темноту, где в беспорядке лежали табачные крошки, коробок спичек производственного объединения «Гигант», замусоленный огрызок карандаша, рапорт рядового первой роты Шаромета об избении его ефрейтором той же роты Попковым, да обширная статья о происках империалистов в братской Польше, вырезанная из «Красной звезды».

Неуютно было в кармане.

Майор Питиримов был заместителем по политчасти командира военно-строительного отряда капитана Кукрышевича. Майор Питиримов был женат. Майор Питиримов не пил и не курил. Впрочем, все это было несущественным. Главным было то, что майор Питиримов был законченным неудачником!

Всю жизнь, сколько майор себя помнил, на него непрерывным камнепадом сваливались мелкие и крупные пакости. Начались беды с самого момента зачатия. Темной ноябрьской ночью 1950 года, в самый ответственный момент творения, когда сперматозоид его папаши устремился в атаку на яйцеклетку мамыши, в дверь убогой питиримовской хибары тяжело и страшно ударили сапоги эмгэбэшников. В пять секунд трухлявая дверь разлетелась, и враг народа безродный космополит Иннокентий Питиримов был оторван от дражайшей супруги в чем мать родила. Больше его не видели.

И пошло, поехало, поплыло! Будущий майор родился недоноском и данный факт настолько его огорчил, что первое слово – Ленин – он произнес только в четыре года. Удары обрушивались на него непрерывно: то это был насморг с подозрением на сифилис, то обвалившийся балкон, то треснувший ночной горшок, то деревенский индюк-террорист, то озверевшая пчела... К шести годам Питиримов успел переломать все свои конечности, ему вырезали аппендикс и несколько грыж, он прошел курсы лечения у логопеда и гипнотизера, а также приобрел среди сверстников стойкую репутацию того, кто «прудит в постель». В школе беды стали масштабнее. Если Питиримов мастерил рогатку, то именно из нее почему-то попадал камень в лозунг «Учиться, учиться, учиться Владимир Ильич завещал!» Если он катался на лифте, то лифт обязательно застревал на двенадцатом этаже, из-за чего соседу – работнику совнархоза приходилось опаздывать на совещание по проблемам повышения удоев. А хроническая тупость восстановила против него весь учительский коллектив и не способствовала авторитету среди одноклассников. Несколько раз он оставался на второй год. Промучившись до пятого класса, мать с помощью взятки пристроила его в суворовское училище. Так Питиримов попал

в армию. Здесь беды задули над его головой ураганскими ветрами в виде бесчисленных гауптвахт, проваленных зачетов, пинков со стороны старшекурсников и зуботычин старшины.

– Голова с печное чело, а мозгу совсем ничего! – сокрушался тот, объявляя Питиримову очередной внеочередной наряд.

Не перечислить, сколько квадратных километров полов вымыл юный Питиримов, сколько экваторных лент картофельной кожуры он срезал, и сколько чаш Генуи очистил. На учебных стрельбах он, вместо того, чтобы поразить мишень, с непостижимой точностью ухитрился попасть в стакан водки, который по случаю поднимал приехавший с инспекцией московский генерал Исчихаев. Во время первой практики в войсках исключительно благодаря Питиримову было утеряно знамя части, в которой он эту практику проходил. Начальник училища рвал на своей голове последние волоски, но ничего не мог сделать с проклятым недоноском. Более того, он требовал от подчиненных преподавателей, чтобы те ставили злополучному бездарю отличные отметки. И все потому, что Питиримов приглянулся безобразной дочке генерал-майора Мотни – начальника местного гарнизона. Дочка и впрямь была не подарок: к рыбьей костлявости имела еще лупоглазые глазищи, да исполинскую заячью губу. Неудивительно, что все нормальные молодые люди норовили как можно меньше находиться в ее обществе. А Питиримов... что ж Питиримов... ему и эта была за счастье.

Да, он был туп. Да, невезуч. Да, замухрышист. Но зато – робок и исполнитель. Можно сказать, что не он женился, а генеральская дочка взяла его в мужья на последнем курсе.

Сразу после суворовского Питиримов, как лучший курсант, был направлен на продолжение учебы в московское высшее общевойсковое командное училище. Он переехал в Москву, прихватив с собой жену и несчастья. Причем теперь они стали перекидываться и на окружающих. Так, в первый же день учебы Питиримова, сломалась ножка стула у начальника его курса полковника Зубова, и тот упал на пол с прокушенным языком, так и не успев разъяснить курсантам истинно народный характер Советской Армии. Через неделю после этого случая была застигнута во время любовных игр с курсантом жена старшего преподавателя кафедры научного коммунизма. Под Новый год повесился начфин, обвиненный в растрате казенных денег. Затем у самого Питиримова украли из тумбочки лезвия «Спутник». А еще был пожар на складе боеприпасов, эпидемия дизентерии на показательных маневрах, избиение Питиримова на танцах во время празднования Дня Советской армии и военно-морского флота, выкидыш у жены его Екатерины, советско-китайский конфликт на Дальнем Востоке... Другой бы на его месте давно уже утопился, или, хотя бы бросился под поезд, но Питиримов мужественно нес свой крест. В этом помогала боевая подруга-жена, и ее отец, приобретающий все большее влияние в Министерстве обороны. Благодаря ему, после окончания училища (и тоже, заметим, с отличными отметками!) Питиримов был направлен служить в Группу советских войск в Германии. Да не куда-нибудь, а в «маленькую Москву» Вюнсдорф – место дислокации командования Группы. Он попал на непыльную должность в отдел кадров танкового полка. Казалось – кончились несчастья! Вот она, заслуженная награда за тягостные годы. Примерно месяц они с Екатериной наслаждались прелестями нелегкой службы на передовом рубеже социализма: пили пиво в соседнем Цоссене, ездили на выходные в Потсдам (хоть это и воспрещалось категорически!) полюбоваться красотами Сан-Суси. Один раз даже удалось смотаться на диковинной двухэтажной электричке до Шенефельда, и оттуда – в сам Берлин! И все кончалось благополучно. Питиримов постепенно проникался состоянием довольства. В тот злопамятный день он нес портфель с секретной отчетностью о количестве вензаболеваний в полку. Путь был недалекий – вдоль «берлинки» до штаба Группы. День был хорош, как никогда. Залюбовавшись хвойным леском, что тянулся между автострадой и железнодорожным полотном, он припомнил разговоры полковых офицеров о большом количестве грибов, что произрастают там. И коварный Рок своими палачьими лапами потащил молодого «летюху» в сторону от штаба. Само собой разумеется, что грибы были. Великолепные подосиновики. Грузди. Опята.

И само-собой, Питиримов поставил портфель под сосной, и кинулся рвать дары тевтонской природы. А дальше случилось то, что и должно было случиться: портфель волшебным образом потерялся! Но беда не приходит одна. В тот же день далеко-далеко, при охоте на сайгаков вблизи испытательного ракетного полигона на станции Эмба, был смертельно ранен тесть – генерал-лейтенант Мотня, и через неделю он ушел из жизни, оставив после себя пару десятков наградных знаков, квартиру в Москве, жену, собаку таксу, да костлявую лупоглазую дочь с неудачником-мужем.

Отныне и на веки веков Питиримов был приговорен к службе в самых отвратительных местах. И в войсках, которые иронически назывались «королевскими». Он кочевал с места на место, меняя части и теряя веру в то, что хоть когда-нибудь сможет жить, как нормальный человек: в квартире, а не в вагончике или бараке. В последнее время, однако, черед неудач слегка отступила, если не считать сгоревшего цветного телевизора «Рубин» да смерти любимой тещи от консервов «Завтрак туриста». Питиримов занял должность замполита. Все постепенно шло на лад, он уже начал подумывать, что тягостное родовое проклятье отпустило его, уже стал штудировать книгу «Малая земля», пытаюсь понять, как простой полковник – тоже, кстати, замполит! – смог стать генеральным секретарем... И тут последовал новый удар! Вчера поздно ночью, находясь при исполнении караульных обязанностей, рядовой третьей роты Андуллаев совершил гнуснейший акт полового извращения, грозящий пошатнуть помыслы воспрянувшего майора: изнасиловал бесхозную собаку неустановленной породы. Уличенный служащим советской армии сварщиком Акипним, Андуллаев попытался сначала, пользуясь его (сварщика) нетрезвым состоянием, убежать, а потом, преследуемый сварщиком, напал на последнего и нанес ему побои, значительно изменившие форму лица.

... Выйдя из штабного барака, Питиримов поправил козырек блинообразной обвислой фуражки и придал лицу грозное выражение, отчего нос его, похожий на грачий клюв, еще более заострился, а губы превратились в две тонкие фиолетовые полосы. Его путь лежал в оружейную комнату третьей роты, где среди учебных карабинов со спиленными бойками томился проклятый извращенец. Майор злобно плюнул в почерневший сугроб. Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! Он с омерзительной отчетливостью представил картину происшедшего. Рота военных строителей, в морозной тайге ударными темпами возводящая шахту пусковой установки. Промерзшая насквозь казарма... Вечно пьяный старшина Жук... Ночь... Скотина Андуллаев стоит на посту около шахты... Собака... Голодная, небось, стерва! А у Андуллаева, конечно же – корочка хлеба... Иди сюда, моя хорошая! У-тю-тю-тю-тю!.. И – цап ее!!! И веревкой – к дереву! Ах ты, сволочь! Он шел по узкой неровной тропинке, обильно помеченной по обеим сторонам желтыми пятнами, исторгнутыми из солдатских мочевых пузырей, и постепенно распался все сильнее и сильнее. Мало того, что он вынужден вместе с бездетной скрягой-женой ютиться в паршивом клоповном бараке и подвергаться каждодневной опасности быть укушенным в уборной голодной и наглой крысой; мало того, что постоянно гаснет свет и невозможно как следует проработать текст «Малой земли»; мало того, что подлые лейтенанты-двухгодичники чуть ли не в открытую смеются над его субботними занятиями по их же, мерзавцев, политподготовке, называя занятия «проповедями отца Питирима»... Так еще курва Андуллаев подложил, будучи, между прочим мусульманином, этакую свинью!..

Майор прибавил шагу. Снег хрустел под ногами.

Вокруг из сугробов торчали ободранные деревья. Прямо по курсу шевелилась «воины ислама», облепившие поваленное дерево и рубящие на нем сучья. Левее желтели бревнами стены возводимого солдатского клуба, за которыми виднелся остов сгоревшего вагончика, ЦУБа – цельнометаллического унифицированного блока. Плотная пелена черного дыма шла справа, где солдаты разогревали битум. Картину дополняли ангельски-голубое небо и ярчайшее солнце, бьющее лучом прямо в немигающий глаз замполита.

– Товарищ майор!

Сзади нескладными прыжками приближался очкастый толстощекий урод с физиономией гидроцефала – помощник дежурного по части прапорщик Мамонтов. Питиримов величественно обернулся. Он ненавидел Мамонтова, хотя сам не знал за что. Впрочем, это и неважно, как говорится «ты виноват уж тем, что хочется мне кушать!»

– Что случилось, прапорщик?

– Звонили из политотдела. Велели немедленно прийти.

Так! Доигрался хер на скрипке! Уже донесли, скоты! Впрочем, чему удивляться – кругом интриганы и твари. Какая-то падла пронюхала про несчастную собаку и накапала Пучилову. Очень даже просто. Но кто?! О происшествии пока знали только сексманьяк; сварщик, его застукавший; командир его же роты Отребьенко, да сам Питиримов. Может, кто еще?... Все эти мысли вихрем проскочили по немногочисленным извилинам замполита, и, сбившись пугливой стайкой в районе переносицы, просочились на язык хриплым вопросом:

– Зачем?

Ощущая себя безмерно виноватым, Мамонтов отвел глаза в сторону. Он не знал. Да и кто ему, простому прапорщику советской армии, будет докладывать оттуда, из политотдела, зачем нужен замполит Питиримов?

Мамонтов угрюмо повторил:

– Сказали, чтоб немедленно прибыли.

– Ясно...

Действительно, все было ясно! Не ясно было только, что с ним теперь сделают. Пошлют на Камчатку? Снова понизят до заместителя командира роты? Лишат партбилета?...

Питиримов похолодел. Если лишат его, родимого – это все, пиши пропало! А ведь могут – дело уж больно... того... из ряда вон. Скажут, что ж, мол, товарищ майор, не занимаетесь работой с личным составом? Не проводите партийно-политическую работу? Вместо того, чтобы сверхплановые шахты пускать, собак дрючите? В то время, как, понимаешь, вся Западная Европа «першингами» и крылатыми ракетами, как спина у ежа утыкана? Когда над нашими головами лазеры запускают? А в Афганистане, мать вашу, трудности с ограниченным контингентом? Поди, сволочь Лепок еще воды подольет, подумал Питиримов про партсекретаря своей части капитана Лепкова, попутно бывшего начальником службы вещевого снабжения. У них сложились неясные отношения, потому как ни тот, ни другой толком не представляли границ своих полномочий: вроде, оба были проводниками линии партии..., но по должности Лепков подчинялся Питиримову, а по положению получалось, что он, Лепок, вроде как его старший партийный товарищ, и, стало быть, руководитель... И потому, ревниво относясь друг к другу, оба идейных вождя пытались подстраивать мелкие пакости... Так, в пределах, допускаемых Уставом КПСС. Вот, бляха, беда так беда!

В штабе УИРа, где располагался страшный пучиловский политотдел, майор обнаружил необычную нервозность и сумятицу. По коридору озабоченно перемещались офицеры соседних частей. Шелестели негромкие, без обычного матерка разговоры, гулко топали сапоги... Питиримов понял, что сбываются его самые мрачные предчувствия. Все, это конец! На его примере, видно решили преподать урок всем остальным – чтоб неповадно было! Ишь, народу понагнали! Похоже, в звании понизят... А вдруг, какую статью пришьют?! С них станется! Что им один майор, да к тому же – неудачник? Может, они давно под него копали, да повода не было? А ведь копали, точно копали!.. В прошлом году, когда он, будучи начальником патруля, устроил охоту на барачных крыс, Пучилов орал: «Еще только один такой случай, и я вас разжалую!» К чему прикопался, гад – всего-то ранили одну бабу во время отправления ею естественных надобностей! Да и за утопленный в Енисее узик по головке не погладили... Лепок, скотина... его работа!

В кабинете начальника политотдела было тесно, как в дамской сумочке. Стулья трещали под раскормленными тушами майоров и подполковников. Изредка виднелись капитанские

погоны. У стены под портретом Ленина сидел сам полковник Пучилов. Глаза его из под очков смотрели на окружающих добродушным взглядом законченного кретина. Впрочем, умственное состояние главного идеолога УИРа вполне устраивало командование. Питиримов присел на свободное место рядом с майором Данильчиком – начальником штаба мехбатальона (или «мазуты», как называли сие подразделение офицеры кепкинского гарнизона). Данильчик безмятежно очищал от солидола правое галифе. Похоже, его совершенно не волновала политотдельская суета.

– Прощу тишины! – Пучилов встал и сделал эффектную паузу. Помещение зазвенело кладбищенским молчанием, лишь урчал живот голодного партсекретаря автобатальона капитана Тродского. Сердце Питиримова было готово взорваться. Он плохо соображал, что происходит, и пытался сосредоточиться, рассматривая лозунг «Учится военному делу настоящим образом».

– ...сообщение из Москвы от вышестоящего командования, – доносился до Питиримова деревянный голос Пучилова. – Вчера на боевом посту скончался после продолжительной болезни величайший ленинец и интернационалист, Генеральный секретарь нашей партии Константин Устинович Черненко. Как истинный коммунист, на боевом посту!

Что? Кто-то умер? Черненко? И по этому поводу все собрались? Питиримов медленно возвращался к жизни. Так значит, их собрали не из-за Андуллаева и его любовницы? Гос-с-споди! Это как же?...

Начальник политотдела сделал новую паузу и с подозрением уставился в окаменевшие лица подчиненных. Он остановил свой взор на майоре Питиримове, с живейшим любопытством созерцающем лозунг на стене. Будто увидел впервые. С каким быдлом приходится работать, вздохнул Пучилов и продолжил:

– ...усилить политическую бдительность перед лицом возможных провокаций со стороны мирового империализма. Суровое испытание, постигшее страну...

Так...так...так... Вот так фокус! Вот так Черненко! Да, как кстати все подвернулось! – стал расцветать Питиримов.

– ...еще теснее сплотиться вокруг родной коммунистической партии...

Что же это они такие хлипкие... Болезненные? Один... второй... третий... Не напа-сешься!

– ...довести под роспись до личного состава, списки сдать непосредственно заместителям командиров частей и завтра лично предоставить мне в трех экземплярах... Майор Питиримов, Вы чего разубыбались? Или Вас не трогает безвременная гибель Генерального секретаря? – гневный палец Пучилова устремился на расплывшееся лицо неудачника-замполита.

– Никак нет! – Питиримов с готовностью вскочил, скорчив максимально грустную гримасу. – Скорблю со всем советским народом!

– Вижу, как скорбите! Сияете, будто олимпийский рубль! А, между прочим, сверхплановый пуск шахты срываете! – Тут Пучилов отвлекся от кончины генсека и перекинулся к вещам более прозаическим. – Вообще, хочу особо подчеркнуть халатное исполнение многими офицерами своих обязанностей! В частности, у вас же, Питиримов, дежурный по части лейтенант Задрыга был пьян во время исполнения! Это безобразие! Я пришел инспектировать отряд, а он – лыка не вяжет!

– Это он от горя, – попытался объяснить Питиримов. – У него в роте тридцать пять судимых, и все пьют... вот он и не сдержался.

– Это вы бросьте! Мало ли сколько зеков... Это ничего не значит. Вернее, значит одно: плохая политико-воспитательная работа. Ваша работа, товарищ майор!

– Да я...

– Хватит! – ударил ладонью по столу Пучилов. – Мне сорок пять лет, а я с женой живу в прорабке, сплошь заставленной мебелью, телевизор пришлось к потолку прикручивать, и не жалуюсь! А вы только пьянствовать мастера.

Ну, треплю, воскликнул про себя Питиримов. Как будто никто не знает, как сам закладывает по вечерам. А что в вагончике живет, тоже понятно – ждет, когда трехкомнатный финский домик сварганят. Ну и жучяра!

Пучилов между тем потерял нить совещания, а потому снова начал говорить о безвременной кончине, о необходимости сплотиться, о повышении бдительности перед лицом вероятного противника... Питиримов сел, не веря своему счастью.

...В этот день майор впервые напился. Купив в ближайшей деревне Кепкино бутылку вонючего питьевого спирта по пять-пятьдесят, он развел его таежным снегом, и по пути в часть, тайком от всех выпил двести грамм, непрерывно икая, и хватая воздух непривычным к спиртному ртом. Он знал, что все беды позади. Смерть генсека делала мелким и ничтожным эпизод с изнасилованной собакой, выдвигая на передний план проведение разъяснительной работы и сплочение личного состава перед лицом агрессивного блока НАТО. Впереди были собрания, совещания, митинги, почины и планы.

– Но если я из такого положения вывернулся... – пьяно бормотал замполит по дороге домой среди сгустившейся весенней ночи, – так из любой беды выскользну! Все, баста! Кончились беды... прощай... люби-и-имый город...! Малая земля... великие дела-а-а...!

В час ночи, подходя к своему барaku, Питиримов обнаружил лежащее посреди тропинки бесчувственное тело, облаченное в офицерскую шинель с новенькими погонами старшего лейтенанта. Под влиянием теплых чувств он приподнял его, и спросил:

– Ты где живешь-то?

Поднятый офицер оказался в стельку пьяным и ответил вопросом:

– Рупь займы дашь?

– Рупь? Милый, да хоть пятерку! Хоть десятку! Для хорошего человека не жалко! Бери! Все бери! – с этими словами замполит выхватил из кармана пачку червонцев и сунул их в руки старлея, после чего, окончательно умиротворенный, вошел в барак.

Последние слова, которые слышал Чирик от своего первого хозяина, были:

– Дор-р-огу генеральному секретарю ЦК КПСС товарищу Питиримовууу!

Глава 2, в которой Чирик узнает, кто такие «двухгадючники»

Старший лейтенант Глызов проснулся от чудовищного холода. Было темно и тихо, как в утонувшей подлодке. Он, не торопясь приходил в сознание, каким-то шестым чувством понимая, что ничего хорошего это не принесет. Постепенно Глызов уяснил, что лежит на чем-то жестком (очевидно – на полу), что на нем имеются ушанка, шинель и валенки, что в руке у него зажата пачка каких-то бумажек, и что вообще он – чертовски пьян. Да, какое там чертовски – просто «в дупель»! И тут вспомнилось вчерашнее...

Вова Глызов был призван в армию сразу после окончания строительного института в благословенном и теплом русском городе Воронеже пару лет назад. Шутница Судьба бросила зеленого, как майский помидор, Вовочку в суровую действительность стройбата, дав ему лейтенантские звезды, должность прораба сантехнического участка и безграничные возможности для знакомства со «школой жизни», как когда-то образно выразился знаменитый писатель-маршал. Наивный Вова, знакомый с доблестными вооруженными силами до сих пор только по фильмам «Чапаев», «Небесный тихоход», «Освобождение» и «В зоне особого внимания», со всем энтузиазмом и чистотой помыслов устремился крепить оборонное могущество социалистической Родины. Его не смущало, что он – сантехник, а не командир танка. Ничего, что его оружие – унитазаы с косым и прямым выпуском, а не водородные ракеты. Пусть вместо рева реактивных двигателей он должен слушать рев воды, выпускаемой из смывных бачков! Не место, как известно, красит человека, а человек – место, пусть даже оно находится в батальонной уборной! Вова ехал к месту дислокации, и лежа на верхней полке купейного вагона смотрел захватывающие сны об уничтожении блока НАТО при помощи новаторского подхода к выгребным ямам. Перед его мысленным взором необозримыми шеренгами, словно танки на параде, двигались мезанизированные помывочные пункты, покрытые особым сверхсекретным сплавом. Могучие самоходные уринылы, подобно легендарным «Катюшам», обрушивали на головы вероятного противника залпы смертоносных мочевых масс. Сверху, с реактивных истребителей-бомбардировщиков Су-7б, на оставшихся в живых милитаристов из титаново-молибденовых сопл били многоатмосферные струи кипящей воды, предварительно основательно прохлорированные для большего эффекта...

Начальник отдела кадров капитан Блинохвостов сразу понял, что перед ним клинический случай, а потому, не мудрствуя лукаво, определил Петра в УНР подполковника Гнусавого. Там уже проходили службу полтора десятка офицеров запаса, оторванных на два года (отсюда и название – «двухгодичники», или, как выражались кадровые военные – «двухгадючники») от мирного созидательного труда. Смыслом существования этих граждан было одно – любыми путями дотянуть до конца срока.

В первый же день, отмечая вступление в славный офицерский корпус, Глызов, до того никогда не употреблявший ничего крепче жигулевского пива, напился рома «Негро», в результате чего оказался сгоревшим ЦУБ некоего бесхозного прапорщика Протыкуна. Куда потом делся сам Протыкун, никто не знал, зато Владимир приобрел репутацию настоящего гусара. Его поселили с тремя такими же штатскими проходимцами-лейтенантами: энергетиком Варданыном, прорабом Гулько и мастером Горой в вагончике, ранее служившим для солдат уборной, что идеалист Глызов воспринял как издевательство над своими помыслами. Запах, стойкий, несмотря на постоянную чистку вагончика, грубо давал понять, что жизнь – отнюдь не газетный очерк из «Красной звезды». И даже не передача «Служу Советскому Союзу». И вообще: прожить ее – не поле перейти!

Действительность была уныла, как морда столетней коровы. Каждое утро Глызов ни свет, ни заря тащился на планерку к командиру части Гнусавому. Планерки были на редкость одно-

образны и вызывали в памяти картину «Иван Грозный убивает своего сына», причем в роли несчастного отпрыска монарха поочередно пребывали все офицеры, в том числе и Глызов. Причина была одна – невыполнение планов, намеченных на вчерашней вечерней планерке. Выходя через час из кабинета командира части, офицеры думали только об одном – пойти и застрелиться. Но, поскольку дисциплина не позволяла совершить столь дерзкий поступок, да и оружия у них не было, приходилось идти в Кепкино, брать там пузырь и... К обеду половина офицеров части, подняв себе настроение, истово принималась выполнять план, а вторая половина была озабочена тем, в чьей компании провести вечер после службы.

УНР Гнусавого, как и другие УНРы Концевича, был занят архиважным государственным делом – возводил в обход Договора об ограничении стратегических вооружений новые шахты для ракетной дивизии. Примерно пятнадцать тысяч человек были заброшены морозной прошлогодней осенью в глухую краснохренскую тайгу, и, подобно легендарным строителям Комсомольска-на-Амуре, подвергнуты эксперименту на выживание. Солдаты – запуганные обовшивевшие существа, в подавляющем большинстве призванные из южных республик – обитали в палатках и казармах. Офицеры жили вместе с семьями в вагончиках-прорабках и наспех выстроенных бараках. Быт, в котором существовали кузнецы самого совершенного советского оружия, отнюдь не способствовал их нравственному совершенствованию. Скорее – наоборот.

Пили все. У Глызова было два начальника – два кадровых капитана-сантехника: Милюкбаум и Кири. В отличие от Глызова, они не могли рассчитывать вырваться из проклятой краснохренской тайги в ближайшие пятнадцать лет (пока не уйдут на пенсию), и потому их помыслы направлялись на одно – свалить все дела на молодого лейтенанта. В сущности, тот еще не утратил первоначального энтузиазма, и при соответствующих условиях опять мог бы вернуться к давним идеям водопроводно-канализационной стратегии. Однако этому мешало одно обстоятельство. Вернее – два. Даже – три: Варданян, Гулько и Гора. Складывалась патовая ситуация: как только Владимир намеревался заняться серьезным делом, у одного из трех его сожителей немедленно возникал неотложный повод «принять на грудь». Разумеется, Глызов, который дорожил репутацией гусара, не мог отказать, в результате чего все благие помыслы летели к чертям под хвост, план ввода коллектора оказывался сорванным, а в кепкинском клубе снова под скрежет старой радиолы отплясывала гопака мешковатая фигура в валенках. На следующее утро Глызов, ощущая сильнейшие угрызения совести, принимал твердое решение окончательно бросит пить, но...

Подполковник Гнусавый был замордован «двухгадючниками» до предела. Он знал, что его УНР самый паршивый по дисциплине во всем УИРе, он знал, что по этой причине из отдела кадров ему направляется всякий штатский сброд, и он знал также, что до тех пор, пока этот сброд будет к нему направляться, дисциплина в подчиненной части не повысится. Это был заколдованный круг! Он проклинал всех и вся: капитана Блинохвостова – за козни, начальника политотдела Пучилова – за разносы, подчиненных – за алкоголизм, солдат – за ленность и склонность к побегам, жену – за то, что она жена...

Проклятый Глызов доканал подполковника! Каждое утро на планерке негодяй клялся и божился, что уж сегодня-то... сегодня он..., но наступал вечер, и два капитана-сантехника снова являлись к нему в кабинет с жалобами на лейтенанта. От Глызова надо было избавляться немедленно, подполковник спал и во сне видел приказ министра обороны на увольнение негодяя. Но сначала ему пришлось отправить в министерство документы на присвоение Глызову очередного воинского звания – старший лейтенант. Проклятая система! Гнусавый был вне себя: ему приходилось в представлении писать хвалебную характеристику тому, кто выпил у него крови больше, чем Рейган со всей своей СОИ! В противном случае вышестоящие, да хотя бы и тот же Пучилов, непременно стали бы допытываться, почему нет представления? Что, не достоин? Значит, не работаете, не воспитываете состав, товарищ подполковник?!

Таким образом, злостный нарушитель Глызов был представлен к очередному воинскому званию, получил его, и, разумеется, чтобы не ударить в грязь лицом, организовал грандиозную попойку. Он пригласил на нее всех, включая и Гнусавого, мерзавец!

...Владимир окончательно пришел в себя. Теперь нужно было встать, желательно ничего не разбив. Путаюсь в длинных полах парадной шинели, новоиспеченный старлей стал молча залезать в зловещем мраке спящего ЦУБа на продавленную металлическую кровать. Мягкую пачку он сунул в карман.

– А-а!!!

От испуга Глызов громко упал. На его кровати, похоже, притаилось какое-то существо, причем, судя по голосу, оно принадлежало к прекрасной половине человечества.

– Кто здесь? – обмирая, спросил он.

– Вов, ты? – ответило пьяным бабьим смешком. – Хи-хи, ишь, напугал!

– Да ты кто? – снова стал подниматься Глызов.

– Да я это, Зина! Че, не помнишь?

– Какая еще Зина?

– Да, столовская... Посудомойка...

– Зинка???

И Глызов вспомнил все! Как покупал в продмаге бутылки спирта, как рассаживались в кильдымчике-мастерской среди торчащих труб и фасонины, как вся компания орала ему «До дна, до дна, сука!» когда он пил из граненого, на дне которого блестела тусклым светом звездочка. Потом был второй стакан, тосты за звание и скорый дембель, драка старика Еремеева с бухгалтером Матеем, пьяные вопли энергетика Варданяна «А я вам ответственно говорю, что самое лучшее освещение – это естественное!», порванная шуба служащей СА нормировщицы Людочки, разбросанная по причине сладкого вкуса пайковая картошка... Потом отправились провожать всем обществом перепившего седовласого майора Трегубовича, вдруг внезапно перед домом поскользнувшегося и упавшего всеми орденами в мазутно-вонючую кучу (кстати, почему он оказался без шинели?)... Далее в воспоминаниях обнаружился провал... а затем Глызов отчетливо увидел себя таскающим за грудки Варданяна, и кричащим при этом «Будешь еще жрать общую сгущенку, пидор?! Будешь???» Варданян мотался, как тряпичная кукла и норовил сползти по стенке... кепкинского клуба.

Да-да, дело уже происходило в клубе!.. Какой-то вертлявый густоволосый старик тряс перед носом Глызова черным ветхим комбинезоном, показывал трехцветный шеврон на рукаве, дескать, тоже воевал... Ах, да, он же бывший власовец, сосланный в Сибирь, дед Проккоп! Дальше... А дальше появилась Надюша вместе с Челюстью – посудомойкой кепкинской столовой, горбатой и крайне непривлекательной личностью с характерным выступом лица. Владимир попытался подъехать к Надьке, да она, тварь позорная, хоть и прожженная шляха, а проигнорировала... Стало быть, он вместо Надьки на Челюсть клюнул! Ах, как все погано!.. Дальше опять был провал, и как очутился в ЦУБе Глызов уже не помнил. Интересно, успел ли он...? Завязывать надо с выпивкой, вот что!

– Ты че молчишь? – словно прочтя его мысли, жарко зашептала Челюсть.

– Ложись, я подвинусь!

Глызов сидел на кровати, обхватив голову руками.

– Вов, а когда в Воронеж поедет? – загозила взволнованно посудомойка. – Иль передумал?

Ее голос дрогнул. Ну, дела! В Воронеж собралась, образина! Что ж такое дется! Неужто...? Надо выпить! Глызов ощупью пробрался к выключателю. Тусклый свет ударил по глазам, рисуя до боли родную картину быта четырех холостых офицеров: заплеванная грязный пол, покрытый окурками, кучу пустых бутылок под откидным столиком и останки красной рыбы на нем, четыре металлические древние кровати с четырьмя же укрытыми синими одея-

лами телами, цветные фотографии голых баб над кроватью Варданяна, валенки, в беспорядке теснящиеся при входе... Все лежащие, кроме Челюсти, обосновавшейся на кровати Глызова, спали мертвецким сном пропойц, а ненавистная посудомойка тарачила на старлея налитые кровью глаза и продолжала жалобно вопрошать:

– Разлюбил, че ли?

Нет, пить надо бросать пока не поздно, а то такие дела... Но какого хрена такая холодрыга, невпопад подумал Глызов. Исломов, что ли уснул? Он выскочил за дверцу спального отделения, в кухню. Там был уже натуральный колотун, а дальше, в прихожей (где обязан был находиться рядовой Исломов, истопник, и где находился источник жизненной энергии ЦУБа – насос «Ручеек» с отопительным котлом) была Сибирь в чистом виде. Исломова, скотины, не было.

Разморозил систему, гад! И где сам – неизвестно. Тэк-с, тэк-с... А эти – спят! И хоть бы что! За все он должен отвечать, за сантехнику, за паек, за приготовление пищи, за спирт. Он выскочил за дверь ЦУБа и заорал со ступенек в морозную ночь:

– Иссссссслломоооооооооов! Исссссссссллллллломоов, ссссссссучье вымяяяяя!!!

Ветер рванул полу шинели, и в восковом свете луны прораб стал похож на древнего шамана, вызывающего духа зла. Но никто не откликнулся на его призыв. Мрачно-неподвижно стояли обсыпанные снегом деревья, мрачно-неподвижно торчали среди них круглые бочки ЦУБОВ, и только где-то далеко-далеко выла собака.

Черт с вами, подумал Петр. Не хотите – не надо. Впрочем, чего не хотят, и кто, было неясно и ему самому. Зато совершенно ясно стало, что дембель его рядом, что он уже – не зеленый юнец, а боевой офицер, и не к лицу ему суетиться из-за таких пустяков, как размороженная отопительная система. Или этой образины в постели! Хоть и образина, а с ней – теплее! Еще спиртнику накапать... А эти пускай суетятся! Как-никак, на соседней койке дрыхнет главный энергетик части – вот пусть и заботится об энергии! Как говорится: «запомни сам – скажи другому: чем больше спишь – тем ближе к дому!»

Глызов вытащил из кухонного шкафчика бутылку и направился к Челюсти. Главное – выпить, и сразу закрыть глаза! Кстати, что это были за бумажки?

Глызовская рука погрузилась в карман шинели. Здесь в полном беспорядке лежали червонцы, которые бедовый Питиримов вручил накануне Глызову у входа в барак, где старлей отстал от Челюсти. Глызов наугад выхватил несколько бумажек и обомлел. По его подсчетам выходило, что ни осталось ни рубля, и вдруг этакое чудо! Есть, есть видно Бог еще на свете! Откуда они? А и неважно. Есть и хорошо. И славно! Да ведь как кстати! Значит, днем можно будет поправить организм. Но вообще-то пора и завязывать – скоро мирная жизнь, культура, теплая квартира с ванной... Вот только проводы еще устроить на уровне. Глызов пересчитал деньги.

Триста десять! Вот это да! Это ж сколько спирта набрать можно будет... Настроение мгновенно повысилось. Забыв про размороженные трубы, Владимир спрятал деньги во внутренний карман кителя, налил в кружку, выпил, потушил свет, и, зажмурив глаза, полез к раскинувшей жаркие пьяные объятия Челюсти, твердо намереваясь бросить пить с завтрашнего дня...

Утром, когда несчастный Исломов, наворовавший за ночь вязанку дров, пытался развести огонь в котле, из спального отделения вылез заочневший старший лейтенант-сантехник, и, передав ему новенькую десятирублевую купюру, прохрипел:

– Кончай херней заниматься – трубы все равно полопались! Пока дрова искал, все позамерзало. Давай-ка лучше, братец, найди мне бутылёк... Сдачу можешь оставить!

Глава 3, в которой Чирик познает нелегкую солдатскую жизнь

Сунув Чирика в карман рваной грязно-желтой телогрейки, рядовой Исломов вылез из провонявшего дымом ЦУБа и зашагал в темноте к вагончику инженера по технике безопасности сорокалетней Светлане Александровне Прохвальчук. Идти приходилось осторожно, чтобы не нарваться ненароком на случайный патруль или подгулявшего прапорщика. Офицеры, как показывал опыт, не обращали на него внимания. Надо отметить, что Исломов не был нарушителем воинской дисциплины и честно отработывал обязанности истопника. Он круглые сутки находился в ЦУБе, исправно поддерживая в нем температуру, что было совершенно необходимо, поскольку жильцы-офицеры днем отсутствовали, находясь на службе, а ночью спали. Ввод централизованной котельной еще только планировался, да и невозможно было подвести от нее к каждому вагончику теплопровод, тем более, что они постепенно должны были заменяться бараками. Таким образом он, и сотни других ему подобных, денно и нощно лазили по жилому городку и окрестной тайге в поисках дров, вливаясь в состав своих рот только на время приема пищи. Все было законно, и в то же время, все было незаконно! Незаконно, потому что ни одно штатное расписание не предусматривало должностей солдат-истопников вагончиков и все эти исломовы, хабибуллины и магомедовы должны были трудиться вместе с отделениями на производстве, ковать, так сказать, ракетно-ядерный щит страны. Все, начиная от начальника УИРа полковника Концевича до самого последнего, официально признанного дебилом рядового Километа, понимали, что это неправильно, что так быть не должно, что сибирская тайга и вагончик-прорабка, переоборудованный под жилье – вещи несовместимые... Но по-прежнему истопники числились малярами, сантехниками, каменщиками и состояли в списках производственных бригад, по-прежнему нормировщики рассчитывали объемы работ исходя из мнимого числа работающих, и по-прежнему считалось, что всякий солдат, находящийся на территории жилгородка без пропуска, является нарушителем. При всем при том пропуска, естественно, никому не выдавались.

Исломов двигался короткими перебежками, как боец во время атаки. Было раннее утро, и в большинстве вагончиков еще не зажегся свет. Тем не менее его осторожный глаз углядел во тьме небольшие группки солдат, крепящих флаги на отдельных возвышающихся строениях. Он напряг извилины, пытаясь сообразить, что за праздник предстоит отмечать, но так и не вспомнил, поскольку прямо на него вдруг вылезла из сугроба, застегивая штаны, здоровенная фигура прапорщика Лавреньева, известного в округе под прозвищем «король барак». Исломов рванул вбок, провалился в сугроб, юлой прокатился по откосу под прикрытие густых елок, обмирая и поминая Аллаха... Издалека донесся сиплый голос прапорщика:

– Флаги вешают... Вот так-то, Костик, отжил свое!

Кажется пронесло! До вагончика Прохвальчук осталось ходу минуты две. Исломов стал под деревом отдышаться...

Еще полгода назад он жил не тужил в горах горного Бадахшана на пастбище у отца Саида, играл на скрипке и верил, что жизнь прекрасна и удивительна. Мирно жевали траву овцы, ласково улыбался отец, дедушка Ширали угощал его молодым вином... Но в один черный день прилетел вертолет, из него вылез небритый и злой майор Азизов и райской жизни пришел конец. Как ни уговаривали дед с отцом, как ни предлагали майору барашка (и даже мотоцикл «Восход»!), не удалось им защитить своего любимого Хусейна от происков заклятых врагов рода – семейства Хизира Имомова, ибо, да будет свидетелем тому Аллах, именно по его, и только его собачьему наущению явились на высокогорное пастбище военкоматовцы!

В вагоне, среди таких же, как он бедолаг, Хусейн впервые услышал русскую речь, узнал, что теперь он рядовой Исломов, что на свете есть Сибирь, а в этой Сибири, среди морозной

тайги расположен город Краснохренск, недалеко от которого – всего в двухстах километрах севернее – ему предстоит выполнять свой воинский долг. Еще он узнал, что любой, у кого на погонах что-то изображено – полоски или звездочки – может запросто отобрать у него щербет, дать в глаз или просто послать далеко-далеко. Очень быстро он познакомился с русским языком, который оказался на редкость простым и состоял буквально из трех десятков слов, таких как «встать!», «смирно!», «заткнись!», «хавать», «салага», «сука» и так далее. А наиболее употребительные понятия и выражение, с которым они произносятся, Хусейн усвоил вообще в первый день, сразу после того, как назначенный старшим по вагону сержант Запойло построил их в коридоре. Все, суки, отгулялись, сказал тогда сержант, пришел вам... Слово, которое он добавил, соответствовало по смыслу слову «конец», но было куда глубже и красочнее!

Подъезжая к Краснохренску, Хусейн понял, что возможно, Аллах ошибся, назначив местом службы именно этот район земного шара, а когда дело дошло до разгрузки в конечном пункте назначения – станции Заплатово, ему стал ясен и смысл скрытого доселе понятия «ад». На его беду советская армия еще только начинала осваивать этот дикий уголок тайги. Тысячи солдат концевического УИРа в составе своих военно-строительных отрядов приступали к созданию военного городка и шахт для будущей ракетной дивизии буквально на голом месте, хотя, кто рискнет назвать голым местом тайгу? Вековые ели и сосны, непроходимые кустарники, болотистая почва – вот что встретило военнослужащих. Плюс ко всему – морозы и снегопады!

В беспорядочной суете шло разворачивание техники и личного состава. График, утвержденный в главке, постоянно срывался, прибывающее оборудование при разгрузке билось и грозило подвезданные пути, дорога, соединяющая Заплатово с деревней Кепкино, постоянно заносилась метелью... Полковник Концевич проводил непрерывные совещания, грозя отдать под трибунал каждого из подчиненных командиров частей, те, в свою очередь громили своих подданных... Подобно горной лавине, громы и молнии начальства спускались все ниже и ниже, захватывая новые слои – офицеров, прапорщиков, старшин, сержантов. И наконец сейсмический удар достигал низа – солдат! На этом дне, в числе тысяч других барахтался рядовой Исломов. В первые дни, пока проходил карантин, еще можно было жить. Молодых новобранцев держали в отдельной палатке, которую бдительно охраняли прапорщики и сержанты, и если с кем-то случались неприятности типа отобранного ремня или синяка под глазом, то это были только редкие эпизоды. Правда, еда оставляла желать лучшего – разжиженная картошка с вареной рыбой неизвестного происхождения была основным блюдом, от чего у молодых воинов не прекращались трудности со стулом. Да еще проклятый холод... Были также немалые проблемы с воинскими уставами, написанными на русском языке.

Через месяц Хусейн принял присягу. Собственно, сам он этого не понял, да и как можно понять, что происходит, если утром тебя ставят в строй на морозе минус двадцать пять градусов, потом командир роты скороговоркой что-то зачитывает по-русски, а потом тебе дают ручку и предлагают расписаться. Хусейн не придавал бы этому мероприятию большого значения, но, увы! – оно знаменовало собой переход к новой, и, как оказалось, гораздо худшей доле.

А все объяснялось чертовски просто. До принятия присяги новобранцы еще не были в полном смысле военнослужащими, и к ним не могли применяться санкции, которые упоминались в уставах и были обозначены в уголовном кодексе. А теперь они становились тем самым пушечным мясом, которое должно было по мысли московских стратегов нагнать страху на ненавистный Запад. Хусейна в числе нескольких земляков направили в роту прапорщика Забулдаева. И началась служба! Рота занималась расчисткой леса под строительные площадки. Хусейну выдали топор – гиганское сооружение, с которым в каменном веке ходили на мамонта, и назначили напарником к активисту стенной печати старослужащему Никифорову – мрачному детине с лицом популярного артиста Виторгана и длинными руками орангутанга,

до армии отсидевшим три года за убийство. В редкие минуты отдыха Никифорову нравилось писать заметки в ротную стенгазету «Стройбатовец».

Увидев напарника, Хусейн понял, что на скрипке ему больше не играть. Каждое утро, кроме суббот и воскресений, рота выходила в тайгу. Остервенело молотя по замерзшей коре, Исломов с тоской вспоминал родные места. Там тоже были деревья, но не в таком же количестве! Впрочем, работа, как оказалось, еще не самое страшное. Хуже было, когда они возвращались в палатку (казарма еще не была построена) и после ужина, заканчивающегося вечерней поверкой и отбоем, оставались одни, без прапорщиков и офицеров. Наступало время разборок между «дедами» и молодыми, между узбеками и таджиками, между армянами и азербайджанцами, между теми, кто имел богатое уголовное прошлое и теми, кто его не имел. Каждый вечер Хусейн получал свою порцию кренделей и если бы не периодические заступничества активиста стенной печати, считающего его своим личным секретарем, вполне возможно, вернулся бы он домой раньше срока под обозначением «груз 200». К новому году Исломов уже прекрасно знал, что такое на армейском языке «велосипед», что обозначает выражение «дать пива», и довольно сносно научился варить чифир. Он привык к периодическим кражам валенок, ко вшам – подлым и отвратительным созданиям, к тому, что во время приема пищи масло надо отдать Никифорову, а все остальное мгновенно проглотить, к тому, что старшина роты младший сержант Бахметьев поднимает «салаг» в три часа ночи криком «Рота в ружье!» и потом гоняет под вой пурги вокруг палатки в течение часа... В редкие часы, когда у него ничего не болело и никто не орал на него, он ощущал дискомфорт.

В первых числах февраля его вызвал к себе замполит роты старший лейтенант Карлсов и предложил интересную работу.

– Вижу, Исломов, ты парень старательный, – сказал Карлсов без лишних предисловий. – Есть для тебя дело. Справишься – получишь поощрение. Не справишься – херово будет!

Хусейн уже хорошо знал русский язык, и что такое «херово» представлял. Разумеется, он согласился. Работа была нехитрая: слушать, что говорят сослуживцы о командирах и сообщать об этом замполиту.

– Учти, Хусейн, – доверительно говорил замполит, – ты не один такой у меня. Есть еще козлята... Так что, если чего захочешь скрыть – гляди! Сразу на «губу»! А там, брат, разговор короткий: за узду – и в стойло! И по-хрюкалке, по-хрюкалке!

Замполит по образованию был ветеринаром, в армию был призван год назад, в армейской среде освоился быстро, но профессиональную терминологию не забыл. Завести стукача его побудило болезненное самолюбие. Дело в том, что он был лыс, и знал, что сие печальное обстоятельство служит для воинов поводом к грубым насмешкам. Уже не раз и не два он видел на стенах штабного вагончика черную круглую угольную баранью харю с глумливой подписью «лысый». И не раз слышал в строю, или когда проводил политзанятие это же гнуснейшее словцо, но никак не мог застигнуть ни одного негодяя.

Исломов серьезно воспринял ответственное поручение, и добросовестно пытался доводить до Карлсова, кто, что и как сказал. Правда, этому чудовищно мешал его малый словарный запас и отвратительная память, а напрямую поставить задачу замполит стеснялся. Так шло время, пока не наступил период всенародных выборов в Верховный Совет. Вот тут-то и засияла звезда Хусейна! Накануне выборов Карлсов вместе с Забулдаевым допоздна засиделись в канцелярии, планируя, как на высоком уровне провести голосование.

– Слушай, Иван, – говорил ослотившийся прапорщик, – нам надо первыми проголосовать и доложить в политотдел. Понимаешь? Первыми...

– Как не понять! – тыкал вилкой в жареное мясо (накануне выдали паек) Карлсов. – Постараемся. В пять тридцать поднимем, в шесть проголосуем.

– Ха, какой ты шустрый! Как вша на гребешке! Как же мы их поднимем в полшестого? По уставу не положено! А вдруг Пучилову стуканут? А?

– Чего ж тогда делать? – Карлсов налил еще спирта.

– Вот именно? Думай, комиссар, думай! – прапорщик, шатаясь, заходил по комнатке. – Поднять должны в шесть, но ведь тогда не успеем... Даже если сразу к урнам гнать... Они ж, падлы, сонные...

Карлсов хряпнул сто грамм, закусил огурцом и подпер голову волосатой ладонью. Верно, сонные они, и нерасторопные, как неживые... Будут тащиться к урнам, как черепахи... Черепахи... Тут вспомнилась ему вдруг по неизвестной причине картинка из старого школьного учебника. В каких глубинах памяти она хранилась, неизвестно, но всплыла оттуда, как аэростат в грозное небо, и вынесла с собой вместе совершенно революционную идею. А был на картинке изображен древнегреческий голый бегущий мужчина в гребнистом шлеме, догоняющий черепаху...

Ровно в шесть утра дневальный по роте рядовой Валиахметов пронзительно возопил:

– Рота, подъем!

Тотчас же Забулдаев с Карлсовым, а также командиры первого и второго взводов прапорщики Шиш и Кренадзе усилили своими глотками данный призыв, и, не ограничиваясь этим, ринулись колотить по спинкам кроватей металлическими трубами, а также сбрасывать с солдат одеяла. В одну минуту перепуганная насмерть рота выстроилась повзводно в три колонны, и Карлсов взял слово.

– Солдаты, – кинул он прочувствованно. – Все мы знаем, какой сегодня день. Все мы, как один, готовы отдать свои голоса за кандидатов нерушимого блока коммунистов и беспартийных. Сейчас мы сделаем это быстро и организованно... кстати, хочу подчеркнуть, все делается строго в рамках устава – подъем ровно в шесть ноль ноль. Командиры взводов – раздать бюллетени!

Замполит отступил в сторону, и воины обратили внимание на три ящика, стоящих перед ними в некотором отдалении.

– Перед вами – урны для голосования, – вступил Забулдаев. – Задача проста – проголосовать первыми. Взвод, который закончит эстафету последним – сегодня ночью будет чистить снег на плацу. Ясно?

– Так точно!!!

– Внимание... Марш!

Стоящие первыми сержанты пулей рванули к ящикам, как эстафетные палочки вытянув перед собой бюллетени. В мгновение ока они добежали до ящиков, проголосовали и кинулись назад. Добежав до следующего волеизъявляющегося, сержанты хлопали его по плечу, после чего тот также устремлялся к заветным урнам. Атмосфера в палатке моментально накалилась – куда девались сон и апатия?

– Ткач, жми!

– Худойназар... Худойназар...

– Аллах акбар!!!

– ... твою мать!..

Суетливо толкаясь, с вылезавшими из орбит глазами, неслись к ящикам бывший хулиган Пичугин, учитель физкультуры Петя Сасин, бухгалтер Назаров, браконьер Кондаков, убийца Никифоров, дебил Шариков...

Несчастный Шариков, то ли от усердия, то ли от волнения прикусивший язык, не добежав метра до заветного ящика, зацепился валенком за валенок и рухнул под душераздирающие крики своего взводного прапорщика Шиша. К этому времени уже стало ясно, что его взвод выходит на первое место...

– Убью, гнида! – заревел Шиш, схватив табуретку, и попытался швырнуть ее в Шарикова.

Побелевший придурок с непостижимой скоростью вскочил на ноги, волчьим броском дотянулся до щели в ящике и толкнул в нее бюллетень с такой силой, что всем стало не по

себе. А Шариков уже летел назад, показывая скорость, которая не снилась даже знаменитому Валерию Борзову.

Через две минуты Карлсов звонил в политотдел:

– ...товарищ подполковник... так точно, Карлсов... так точно, уже проголосовали... все, как один... так точно... есть! Служу Советскому Союзу!

В этот же день Хусейн установил, наконец, кто ругается на замполита словами «лысый баран». Им оказался известный баламут и хам рядовой Стульчак из занявшего последнее место взвода старшего сержанта Курощупова.

– Это все он, лысая гнида придумал! – распаялся в палатке после ужина Стульчак. – Знал, что у нас во взводе у всех грибок, вот и подстроил, паскудник! У-у-у, баран лысый!

И уже утром Хусейн получил вознаграждение – стал истопником у офицеров-двухгодичников. Жизнь победила! Теперь у него была только одна проблема – дрова. К сожалению, топор из роты взять не дали, а другого инструмента не было. Приходилось идти на хитрости, уворовывать дрова у других истопников, что было сопряжено с определенным риском. Несколько раз Хусейна ловили и били, но он был уже достаточно опытен, и знал, как вести себя в подобных ситуациях. С дровами дело постепенно наладилось. Конечно, некоторый риск представляли еще патрули, но они были опасны днем, а днем Хусейн запирался в ЦУБе и не высывал носа. Он разводил пожарче огонь в топке, устраивался калачиком в прихожей на телогрейке, и засыпал, погружаясь в воспоминания и мечты о возвращении домой. Еще была одна опасность – сгореть заживо. Такое случалось с некоторыми истопниками, а также и жильцами их ЦУБов, когда во-время сна вдруг нечаянно открывалась дверца топки и из нее вываливался уголек. Чертовы ЦУБы, сделанные достаточно комфортно, чтобы в них жить, были на редкость горючи, поскольку основным материалом внутри была пластмасса. При возгорании, чтобы выскочить из спального помещения, жильцам требовалось миновать узкие двери на кухню, потом такие же – в прихожую, где уже бушевало пламя, и только затем они оказывались на улице. Увы, не всем удавалось проделать этот рискованный маневр.

Впрочем, беды пока обходили Хусейна стороной. Более того, ему даже посчастливилось познакомиться с женщиной, той самой, к которой он теперь и направлял свои дырявые валенки.

Подойдя к вагончику Прохвальчук, он легонько постучал в окошко.

– Кто?

– Это Хусейн! – тонко ответил Хусейн.

Он стеснялся. Стеснялся того, что приходится будить в столь ранний час инженершу по охране труда. Стеснялся, что надо покупать у нее бутылку. И очень стеснялся того, что у него с ней... того...

– Чего так рано? – голос был еще сонный.

– Не терпится?

– Бутылка нужна! Глизов просит бутылка!

– Ну, заходи, я сейчас... Побудешь?

Хусейн покраснел:

– Время нет, Светлана Александровна. Глизов бутылка надо!

– Ну, давай деньги...

Тут Чирика извлекли на мороз, однако не успел он прочувствовать холод, как оказался в теплой руке, которая заботливо внесла его в душистое помещение.

Глава 4, в которой Чирик попадает в заботливые женские руки и становится свидетелем начала антиалкогольной кампании

Передав мелкорослому азиату бутылку «Негро», Прохвальчук закрыла дверь, подкинула пару полен в топку котла и вернулась досматривать захватывающий сон о своей встрече с артистом Михаилом Боярским. Она положила Чирика на туалетный столик, художественно выполненный из ящика для ликеро-водочных изделий, забралась под три одеяла и закрыла глаза. Но вместо усатого мушкетера Михаила перед ней возникла блинообразная физиономия Хусейна. Прохвальчук заворочалась, пытаясь прогнать неприглядное видение, но поняла, что все это бесполезно, что сон – чудный сон, унесший ее от ненавистной армейской жизни! – уже не вернется, что надо вставать и готовиться к очередному нелегкому дню.

Скотина, подумала она кратко об истопнике. Хусейн был ее болью и проклятием. Действительно, могла ли она в молодые годы даже в мыслях допустить, что в сорок лет придется вступать в интимные отношения с неграмотным плюгавым азиатом, к тому же совершенным дилетантом в столь важной сфере?! Да еще трусливым, как тысяча полевых мышей! Светлана Александровна выбралась из под одеял и стала готовить ежедневную утреннюю питательную маску. В соответствии с рекомендациями любимого журнала «Здоровье», она использовала только натуральные продукты, с которыми в этой сибирской глуши была напряженка, особенно зимой. Почти все деньги, которые она зарабатывала, шли на поддержание ее внешности, но, поскольку продукты были дороги, приходилось также приторговывать спиртным, а поэтому ее вагончик являл собой для постороннего человека как бы филиал продуктового магазина. Древний одежный шкаф с осыпавшимся лаком, страшный, как некачественно сделанный гроб на троих, был заполнен бутылками: ромом «Негро», «Питьевым спиртом», портвейном «Порто», болгарскими и венгерскими сухими винами, несколькими сортами водки, а также особенно актуальной среди прапорщиков разновидностью вина «Волжское». Исполинский сундук, купленный у кепкинской долгожительницы Марфы Крупской, занимавший ровно четверть жилого пространства, содержал в своих недрах продукты домашнего консервирования – огурцы, помидоры, варенья и компоты. На стенах висели связки сушеных трав и грибов. Под кроватью, в лежащем на боку холодильнике «Наст» (проклятый недостаток места!) хранились молочнокислые составляющие: сметана, творог, масло, молоко и прочее, что удавалось приобрести у таежных аборигенов.

Светлана Александровна взяла эмалированный таз, налила в него растопленную снеговую воду, и затем, подобно средневековому алхимику приступила к священнодействию: смешиванию ингредиентов. Через полчаса бурая клейкая масса, издающая невообразимо чудовищную молочно-яично-огуречно-помидорно-редько-чесночно-спиртовую вонь была готова, и с благоговейным трепетом перенесена на веснушчатое лицо перезрелой матроны. После часового бдения, в результате которого кожу словно натянули на турецкий барабан, Прохвальчук содрала с себя использованные продукты, сожалея, что в таком виде они не пригодны к питанию, и ополоснулась опять же снеговой водой. Далее она принялась за массаж лица, столь интенсивный, что посторонний принял бы его за попытку извращенного самоубийства. Пора была начинать насыщение организма. Измотанная произведенными действиями, Светлана Александровна со вздохом приступила к завтраку, силясь растянуть его как можно дольше. Впрочем, сделать это было не просто, так как она, в соответствии с рекомендациями журнала «Работница», находилась на диете. В данный момент ее завтрак состоял из стакана кипяченой воды и двух сырых яиц. Прохвальчук чайной ложечкой аккуратно черпала в

скорлупе содержимое, медленно, с чувством пережевывала его, и размышляла, когда же наконец, черт побери, она начнет сбрасывать вес?! И вообще, до каких пор она должна подвергать себя страданиям из-за сволочей мужиков, если ни один, даже самый захудалый прапорюга не уделяет ей абсолютно никакого внимания! Не принимать же всерьез за мужика этого придурка-истопника!.. А Глызов-то хорош – опять хлещет...

Она взглянула на принесенную солдатиком десятку. Новенькая купюра неожиданно вызвала в ее сердце прилив нежности.

– Ишь ты, какая гладкая! – похвалила ее Прохвальчук, и в этот момент внезапно поняла, что хватит, хватит стараться для этих скотов... один черт, не ценят... хватит разбазаривать продукты и тратить на них огромные сотни... Пора выбираться из тайги в город! В городе мужиков хватает, как только раньше ей, дуре, в голову не приходило? Проработать до отпуска – он, кстати, через три месяца – поднакопить деньжонок, да и уволиться к черрррртовой матери! Не судьба, видно, подцепить мужа военного... ох, не судьба...

Осознав простую эту мысль, Прохвальчук решила не медлить с ее воплощением, а посему высыпала из жестяной банки лавровые листья и сунула вместо них туда Чирика. Копить, так копить!

Крышка задвинулась над Чириком, как гробовая, и на несколько недель он оказался в заточении. Иногда банка открывалась и сверху падали новые купюры. Реже открытие сопровождалось изъятием тех, кто был наверху. Червонец лежал на самом доньшке, и жил спокойной растительной жизнью. Он познакомился с соседями – а это тоже были десятки, только более раннего выпуска, больше повидавшие в жизни, более опытные и потертые. От них он узнал о многих вещах, о которых даже не подозревал, например, о кастовых различиях – о том, что червонцы – народ солидный, а всякие пятерки-трешки, так себе, голь перекатная... Есть также рубли – мелюзга, с которой никто из уважающих себя общаться не станет... а есть еще презреннее публика – монеты, но это-такое быдло, о котором и говорить не стоит! Но и над ними, над червонцами есть начальники – четвертные, полтинники и самые-самые тузы-стольники. Увидишь стольника – уступи дорогу, напутствовали Чирика друзья. Еще узнал он, что живут деньги не вечно, что по старости они ветшают, рвутся, покрываются пятнами, истираются, и неизбежно, рано или поздно всех ждет смерть. Правда, что такое смерть никто из купюр не знал, поскольку никто ее не испытал, и тут их мнения делились... Одни говорили, что смерть – это полный конец, страшный, после которого нет ничего. Другие уверяли, что смерть – понятие относительное, это только прекращение физического существования, а есть, мол, у каждой купюры ее Душа – Стоимость, которая после смерти отделяется от бумажной оболочки и попадает, в зависимости от того, как купюра себя вела в жизни, то ли в место блаженства, где правит Великий Бог Мамон, и где слух ласкает непрерывный звон печатного станка, либо, если купюра вела себя в жизни недостойно своего достоинства, попадает в мрачное место, где ее Стоимость жарят на медленном огне духи зла. Были и такие червонцы, которые уверяли, что смерти как таковой нет, а есть одно сплошное перерождение, непрерывное движение Стоимости, и каждое физическое прекращение знаменует собой новое рождение на Монетном Дворе, но в уже иной Сущности, и, например, любой червонец в новой жизни может стать четвертным, а может опуститься до пятерки, и все в зависимости от того, как вел себя в нынешней жизни. Сообщили также Чирику, что есть еще какие-то Ценные Бумаги – но твари эти коварны, они и не деньги, а так, не-разбери-поймешь, одним словом, неполноценные, хотя и полны амбиций... Говорили также про иностранцев – долларов и фунтов стервлигов, но, поскольку их никто не видел, Чирик не понял, как с ними себя вести... Однажды братию разбудило энергичное потряхивание, после чего крышка отворилась и банка была опрокинута на стол. Лежа на самом верху кучи, Чирик увидел в ярком свете дня над собой физиономию той тетки, что приняла его из пропахших дымом солдатских рук...

Прошло уже больше месяца, как Прохвальчук приняла решение об увольнении из Вооруженных Сил. Уже несколько раз она опускала в банку свои денежные поступления, и теперь, в преддверии праздника Первого мая, решила полюбоваться на них, и заодно пересчитать. Надо отметить, что за истекший период в ее нелегкой жизни незамужней женщины ничего не изменилось.

Точнее, почти не изменилось. Ввиду знаменитого Постановления «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма» резко вырос спрос на ее спиртные запасы. Это позволило Прохвальчук значительно улучшить свое финансовое положение. Но что для женщины деньги, если она лишена того, что ей положено самой природой – мужской ласки! А ведь именно за ней, распроклятой, всю жизнь тянулась Прохвальчук! Но мерзкая внешность жирной макаки, подаренная ей при рождении мамашей, пресекала на корню все попытки контакта с противоположным полом. В школе она пыталась компенсировать недостатки внешности хохмачеством и клоунадой. Смех одноклассников ей вызвать удавалось, но ни один из них, даже полиомелитчик Манько не приглашал ее на танцах, и не старался дернуть за специально подставляемую косу. На улице при виде ее молодые люди с отвращением отводили взгляд в сторону, а пожилые мужчины ускоряли шаг. Несчастливого учителя пения примерного семьянина Филова сексуальные домогательства юной Светланы вынудили уволиться из школы.

После школы Прохвальчук недолго раздумывала, куда направить свои необъятные бедра. Она выбрала строительный институт, автодорожный факультет, где мужиков было – как собак, вернее, кобелей нерезанных. Но странная штука – они норовили гульнуть на стороне, отыскать бабенку где-нибудь на архитектурном, или, на худой конец, технологическом факультетах, а то и вообще – в педагогическом институте... Сверстники не видели ее в упор, рабфаковцы почти все уже были женаты. Оставался преподавательский состав, но у проклятого состава был слишком хороший выбор и без Прохвальчук! Не помогало и то, что пытаясь навязать свое общество, она умышленно проваливала экзамены, чтобы прийти во второй, в третий раз... Грозный доцент Мочалов, преподаватель теоретической механики, перед которым трепетали все студенты строительного института, поставил ей с первого раза «отлично», после чего его прямо из аудитории увезли в неотложку. Старший ассистент кафедры электротехники Бабаян поставил всего лишь «хорошо», но при этом добавил с характерным акцентом: «Чтоби большэ Вас не видэл!» Ветеран трех войн преподаватель научного коммунизма Хахновский, переживший два расстрела – врангелевский и ежовский – предпочел сказать больным, но не явился на экзамен, а прислал вместо себя ассистентку Картавую... Так оказался потерян еще один шанс. Благодаря отличному диплому ее распределили в престижный проектный институт, подавляющее большинство которого составляли женщины. Прохвальчук поняла, что если не принять кардинальные меры, ей так и не улыбнется ни один мужчина. И она пошла в военкомат.

– Хотите служить Родине? – переспросил дрожащим голосом уса́тый капитан. – Такие товарищи нам нужны. Вот только хороших вакансий нет...

– Мне все равно, товарищ подполковник! – жеманно ответила Прохвальчук, после чего зардевшийся военкоматовец в пять минут оформил ей назначение в город Жангиз-Тобе в одну из многочисленных военно-строительных частей на должность инженера по технике безопасности.

Прохвальчук оказалась в окружении огромного количества мужчин. Причем, не просто мужчин, а мужчин военных, то есть готовых на все. Она прибыла в Жангиз-Тобе во всеоружии, привезя с собой кипы журналов «Здоровье», «Работница», «Крестьянка», массу вырезок из других изданий с рецептами и советами, долженствующими превратить ее в королеву красоты и конечном счете – в генеральшу. Однако ни неустанное каждодневное наложение масок и кремов, ни непрерывные голодания и диеты, ни ежевечерние походы в гарнизонный клуб на танцы не продвигали Светлану Александровну Прохвальчук к желанной цели. Год шел за годом, менялись вокруг офицеры, превращаясь из лейтенантов в майоров, а она по-прежнему

оставалась в одиночестве... А потом случился переезд на новое место службы, и у нее окончательно пропал вкус к жизни. Проживая в вагончике, она по инерции еще принимала маски, но с каждым днем росло чувство, что надо бежать назад, в город. И тут подвернулся Хусейн! К этому времени Прохвальчук дошла уже до стадии полного сексуального истощения. Ее совершенно не заботило, что во вверенной части идут массовые нарушения техники безопасности, что монтажники работают без допусков и монтажных поясов, а сварщики разжигают костры около баллонов с кислородом. Ей было наплевать на отсутствие проектов и на начальника производственно-технического отдела капитана Кишкова, который взялся учить солдат, как нужно рубить сучья на дереве и разрубил себе ногу (Кишков был женат), ей было начхать на то, что японский бульдозер «Комацу», валя лес, завалил также прорабку вместе с прорабом Зобковым... Ей было, в конце-концов наплевать, что где-то в кировской области от должности первого секретаря освобожден товарищ И.П.Беспалов и на его место назначен В.В.Бакатин. Но когда вертлявый азиат, присланный Глызовым за бутылкой, предложил ей изготовить за десять рублей из водочного ящика туалетный столик, она почувствовала – вот оно! Было ясно, что мальчишке просто нужны деньги, но... Но в том то и заключается искусство быть женщиной, чтобы направить мужчину на путь истинный! В конце концов, надо же когда-то начинать!

...Их любовь была унылой, как песня нищего. Трижды в неделю, крадучась и трясясь от страха, мальчишка пробирался к ней в вагончик, где она немедленно набрасывалась на него, словно крыловский волк на ягненка. Она гасила свет, чтобы не видеть испуганных раскосых глаз и валила беднягу на пол, трепеща от диковинной смеси удовольствия и омерзения. Потом, когда тот уползал, держа в руке несколько поленьев – гонорар за выполненную работу, Прохвальчук залезала под три одеяла и предавалась мечтам о Большой, Светлой и Настоящей любви, которая непременно к ней придет. Словом, паскудство было полнейшее!

... Прохвальчук разложила купюры по ранжиру и принялась созерцать денежную массу. Сумма составила четыреста двадцать с хвостиком, и это придало ей настроения. Еще не все в жизни потеряно! Через два месяца, спасибо родной партии, она на своих винных запасах доведет сумму до тысячи, да еще продаст барахла на тысячу – с этими деньгами можно и назад, к маме с папой, которые все ждут ее домой с мужем. Был у нее и еще один повод для радости – сегодня прапорщик Генералов из соседней части попросил у нее взаймы до получки десятку, и она пригласила его к себе – деньги мол, все дома...

А десятку ему надо бы дать получше – пусть знает, что ей ничего не жалко! Прохвальчук прошлась потными руками по пачке червонцев и остановилась на Чирике. Этот подойдет.

... Генералов пришел не один. Вместе с ним притащился его сосед по барачной комнате лейтенант Кусичев, видно, также решивший на халяву урвать денег. Еще за окном Прохвальчук услышала пьяный хохот Генералова и кусичевский привизгивающий голосок:

– Кишка как даст по ноге... Я, говорит, такую лесину завалил...

– Ха-ха-ха!

– ...счас покажу, как сучья рубить...

– Гы-гы-гы!

– ...как звезданет по ноге...

– Хотел по ели – а попал по дубу!!!

– Га-а-га!

Раздались удары в дверь. Приперся! Да не один... идиот! Прохвальчук стали душить слезы. Так ждала, так ждала...

– Может, ее нет? – привизгнул Кусичев.

– Да ну... Спит поди...

Снова послышались удары, и голос Генералова озабоченно произнес:

– А кстати, канализация-то... того, поплыла... В смысле трубы.

– Знаю. Мы ж ее клали зимой в мерзлый грунт, а теперь он подтаял, вот трубы и заиграли...хи-хи...

– То-то Пучилов бесится!

– Хи-хи-хи!

– Слышь, Светик, это я... Генералов... открывай!

Прохвальчук шмыгнула носом и утерла глаза. А чего от них еще ждать? Все мужики – сволочи и алкаши! Она открыла дверь и сунула в утиный нос Чирика:

– На, подавись!

– Ты чего?... – удивился прапорщик.

– Того! Больше не дам – нету!

И захлопнула дверь.

Глава 5, в которой Чирик переезжает в Краснохренск

Дверь перед Генераловым захлопнулась, едва не задев его утиный нос. Недоуменно сунув Чирика в карман шинели, прапорщик пробормотал:

– Совсем сдурела, проститутка! Чего злитесь? Сама же сказала, приходи, дам...

– Так это – смотря чего! – хихикнул прохвост Кусичев.

– Денег, дурень!

– Это ты так думаешь...

– А пошел ты! – миролюбиво отозвался Генералов и друзья, обнявшись, побрели в барак.

У них было много дел в связи с надвигающимся праздником. Во-первых – выпить. Во-вторых – закусить. В-третьих – пойти в Кепкино на танцы. В четвертых, и это – самое главное, не попасться на глаза начальника штаба майора Ключнера, которорый пребывал в уверенности, что Генералов лежит с сорока градусами (липовую справку за пузырь «Арпачая» сварганил начальник медсанчасти двухгодичник Афанасов).

Догорающий день лучами заходящего солнца освещал глинистую тропу, затейливо вьющуюся между жилыми вагончиками, из которых уже неслись пьяные разухабистые голоса.

– Под гору вечееернюю солнце к речке клоооонииит! – затянул простуженный голос из ЦУБа, в котором жили сверхсрочники, или «сверчки».

– Все что было, не былоооо, знали наперееед! – подхватили еще несколько человек.

Воители приступили к празднованию 1 Мая. Слышался смех приبلудных кепкинских девах. Из провонявшего сортирным запахом покосившегося ободранного ЦУБа вывалился едва стоящий на ногах белокурый отпрыск польки и армянина лейтенант Юлий Варданян и истошно заорал, обратив палец в сторону уходящего светила:

– Самое хорошее освещение – это естественное, козлы! Послышался гогот, и залихватский голос из утробы вагончика одобрительно пробасил:

– Вот за что я люблю Юльку... Наливай!

Генералов брезгливо поморщился. Он презирал двухгадючников, которые, в отличие от него, не нюхавши пороху, не служа в армии запросто получали лейтенантские погоны, и все потому, что умудрялись закончить институт. А он – Федор Генералов, два года отгарабанивший в забайкальских степях и полгода в Кстово, имел всего-то звание прапорщика. Они, бумажные черви, не знавшие даже, как мыть с мылом полы в сортире, считались офицерами, мать их за ногу! Слабым утешением ему служил тот факт, что он был назначен командиром роты, и что замполитом у него настоящий, закончивший политическое училище лейтенант Кусичев. Даже идиот Кусичев, ничего не смыслящий в воинской стратегии, и путающийся в сочинениях основоположников, со временем должен был стать майором или подполковником, получить хорошую пенсию, квартиру в теплом городе и соответствующее отношение окружающих. А ему, Генералову, при всех его несомненных способностях, в лучшем случае светило звание старшего прапорщика (тьфу, мерзость-то такая!) да издевательский шепоток за спиной. «Курица – не птица, прапорщик – не офицер!»

– В Кепкино мы не пойдем! – подходя к бараку объявил он Кусичеву тоном Наполеона, когда тот дал команду атаковать русских.

– Что?

– Что нам Кепкино, Андрюха?

С Кусичевым Генералов чувствовал себя великим полководцем.

– Кепкино... Да мы там уже всех баб перетискали! В Краснохренск двинем!

Кусичев заморгал пьяненькими глазками.

– Кутить, так кутить! Пора выходить на орбиту!

– А когда двинем? – загоревшись новой авантюрой, спросил юный выпускник военно-политического училища.

– Сейчас и двинем. Тормознем на трассе машину – и тю-тю...

Но двинули они не сразу. Сначала надо было собраться. Впрочем, нет! Сначала они «расширили сосуды». Потом переоделись в гражданскую форму – в целях конспирации. Потом искали подходящую сумку и заполняли ее тем, что может понадобиться двум молодым мужчинам и двум нестарым женщинам при праздновании Дня международной солидарности трудящихся. Потом они вышли, но вспомнили, что не захватили деньги. Потом вернулись и еще раз «расширили сосуды».

В семь вечера две шатающиеся фигуры брели по трассе Заплатово – Краснохренск и водители редких попутных машин могли наблюдать их оживленную жестикуляцию.

Генералов чувствовал дух свободы. Справка, выписанная лихим Афанасовым, давала ему три дня отдыха от идиота Ключнера, от воплей неврастеничного командира отряда майора Кнопкина, от необходимости организации праздничного досуга с обрыдшим личным составом (пускай заместитель попрыгает!).

– Учти, Андрон, – назидательно поучал Генералов лейтенанта, – если хочешь достичь больших высот – будь смелым! Что нам Кепкино? Три километра ходьбы, ха-ха...

– Хи-хи-хи!

– ... они думают, что если издали приказ о запрете выезда из гарнизона, так и все на этом?

– Да уж!

– А мы их перехитрим! Во-первых – не узнают... А во-вторых, если что – скажем, что ездили в Собачинск! Попробуй – докажи!

Собачинск был районным городишкой в тридцати километрах от Кепкино, и хотя считался запретным для поездок, начальство смотрело на это сквозь пальцы – привыкло.

Мимо пролетел грузовик.

– У-у, сука! – погрозил кулаком Генералов, внезапно свирепея. Он воспринял это как вызов, брошенный судьбой.

– Видал? Не взял, сволочь! Вот они, люди! С ними по-хорошему нельзя! Только кулак! В репу! В репу! Знаешь, как я раньше делал? Построю воинов... у кого фамилии – на «ян»... шаг вперед! И в бочки их... а в бочках вода...

– Какие бочки?

– Из под бензина! И команду «Срочное погружение!» Понял? Боялись, сволочи! Пока боятся – уважают, так-то!

– А потом?

– Потом одному гаду челюсть сломал... рука неделю болела... ну они и накапали в политотдел...

Генералов остановился и с огорчением вздохнул:

– Пучилов вызвал... говорит... понимаю Вас, товарищ прапорщик, но бить солдат нельзя... могут прокурору настрочить!

Сзади заревел мотор рейсового автобуса. Генералов с Кусичевым обернулись и замахали руками. Скрипнули тормоза, и дальше беседа продолжалась в полупустом салоне красного «ПАЗика».

– У нас на практике комбат тоже говорил, что бить нельзя, – поделился Кусичев. – А потом на утреннем разводе одному казаку так дал, что тот три месяца в санчасти провалялся!

– Молодец! – одобрил Генералов. – Только так можно победить. Знаешь, какой Жуков жестокий был? А Тухаевский? Вперед, и не ныть! Без этого, Андрон, нельзя!

Тут прапорщик наконец оседлал своего любимого конька – военную стратегию. Непонятно каким образом он перекинулся на воинские таланты Суворова, битвы Александра Невского и победы Ганнибалла. При всем при том, что рассуждал он о делах давних, и не имев-

ших к нему никакого отношения, у Кусичева волей-неволей складывалось впечатление, что только благодаря мастерству Генералова были разгромлены псы-рысари на льду Чудского озера и окружена армия римлян в битве при Каннах.

– Главное – собрать все силы в кулак и ударить им по слабому месту! – орал на весь салон вошедший в раж прапорщик. – Сначала – артподготовка, затем – танки! И особое внимание – разведке! Тс-с!.. Ты знаешь, что на самом деле было с атомной бомбой?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.